

МИМОХОДОМЪ.

„Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“.

Сибирская картинка.

Еще не позднимъ лѣтнимъ вечеромъ двое прохожихъ осторожно пробирались лѣсною опушкою сибирской тайги, зорко поглядывая на пролежавшую невдалекѣ почтовую дорогу и часто оглядываясь назадъ. Видимо, оба были въ большой тревогѣ и боялись опасной встрѣчи или погони. Одинъ изъ нихъ былъ довольно высокій стройный блондинъ, а другой молодой коренастый шатенъ, но оба были крайне истощены отъ тяжелаго пути и плохого питанія. Одѣты они были въ лохмотья, а ноги обмотаны тряпками и обвязаны бечовками; у обоихъ за плечами котомки съ хлѣбомъ, а въ рукахъ тяжелыя листовничныя дубинки. Безошибочно можно было опредѣлить, что это были бѣглецы изъ какой-либо каторжной тюрьмы каторжники.

Отъ времени до времени, чтобъ не быть застигнутыми врасплохъ, прохожіе останавливались, и высокій изъ нихъ припадалъ ухомъ къ землѣ, прислушиваясь—не раздастся ли топотъ лошадиныхъ копытъ или глухіе удары экипажныхъ колесъ. Наконецъ онъ услышалъ, что навстрѣчу ѣдетъ тяжелая телѣга, и поторопился отойти съ товарищемъ нѣсколько глубже въ тайгу и занять тамъ наблюдательное положеніе.

Дѣйствительно вскорѣ показалась грузная телѣга, запряженная парой лошадей, и на ней два человѣка. Высокій сразу опредѣлилъ—„офеня съ товаромъ“, и къ величайшему удивленію замѣтилъ, что телѣга свернула съ дороги и остановилась у ручья, протекавшаго близъ лѣсной опушки.—„Должно быть, кони притомились, а до деревни далеко, тутъ заню-

чуютъ*, сказалъ онъ товарищу.—„Нужно глядѣть въ оба“, и затѣмъ многозначительно прибавилъ:—„и собаки-то у нихъ нѣтъ“. Зорко наблюдая съ своего поста, они видѣли, какъ проѣзжіе, отпрягши лошадей, развели костеръ, надъ которымъ на треножникѣ повѣсили чайникъ съ водой, достали потомъ ящикъ съ провизіей, выпили по рюмкѣ водки и стали ужинать; выпивъ наконецъ по нѣсколько чашекъ чая, улеглись спать.

Выждавъ, пока совсѣмъ стемнѣло, и вѣрно рассчитавъ, что проѣзжіе уснули уже крѣпкимъ сномъ, бродяги подкрались къ нимъ и страшными ударами своихъ дубинокъ размозжили имъ головы. Затѣмъ, дочиста ограбивъ, переодѣлись въ ихъ платье и обувь, обративъ особое вниманіе на нагрудные кожаные мѣшочки, въ которыхъ находились паспорта, письма и деньги. Покончивъ съ этимъ, устроили себѣ вкусный ужинъ изъ провизіи, которой довольно оставалось въ ящикѣ, водки выпили по одной рюмкѣ, больше не было. Подкрѣпивъ силы, занялись уборкой труповъ, которые привязали веревками къ хомутамъ лошадей и увезли подальше въ тайгу, заваливъ валежникомъ, въ добычу волкамъ и лисицамъ.

Немало предприимчивыхъ офеней вязниковцевъ и иныхъ погибло такъ въ Сибири отъ руки бродягъ.

Въ остальную часть ночи каторжники торопились отѣхать на ограбленной телѣгѣ подальше отъ мѣста преступленія, направляясь въ дальніе бурятскіе улусы.

Когда стало разсвѣтать, они снова повернули въ тайгу, отпрягли лошадей и занялись разборкой документовъ. Паспортъ, принадлежавшій хозяину-коробейнику, удостовѣрялъ, что предъявитель—цеховой гор. Иркутска Капитонъ Андреевичъ Алексѣевъ, 30 л., холостъ, роста 2 арш. 6 вершк., волосы свѣтлорусые, ротъ, носъ обыкновенные, особыхъ примѣтъ не имѣетъ. А въ паспортѣ работника сказано, что онъ мѣщанинъ гор. Балаганска изъ ссыльныхъ Мартынъ Пенто, 18 л., холостъ, роста 2 арш. 3 вершк., волосы темнорусые, особыхъ примѣтъ не имѣетъ.

Оба паспорта чрезвычайно удачно подходили къ физическимъ даннымъ бродягъ, и они согласились твердо помнить, что одного зовутъ Алексѣевъ, а другого—Пенто; деньги, какія оказались въ бумажникѣ и мѣшкѣ, подѣлили поровну, а такъ же дѣлили впослѣдствіи и тѣ, какія выручали отъ продажи товаровъ. Когда же совсѣмъ расторговались и приближались уже къ Читѣ, то продали телѣгу и лошадей, наняли

извозчика и ночью добрались до постоялаго дома, въ которомъ расположились на нѣкоторое время и немедленно занялись пріисканіемъ работы, при чемъ на глазахъ хозяевъ дома вели себя крайне скромно, не употребляли ни водки, ни пива, а довольствовались только чаемъ.

Пенто скоро пристроился къ почтсодержателю въ ямщики; Алексѣевъ же, прежде чѣмъ приступить къ розыскамъ, занялся нѣкоторой подготовкой, задумавъ изобразить изъ себя обѣднѣвшаго интеллигента. Съ этою цѣлью онъ пріобрѣлъ у еврея-портного поношенную черную пару, а въ универсальномъ магазинѣ извѣстнаго Бадмаева хорошіе сапоги и нѣсколько манишекъ. Затѣмъ написалъ прошеніе о предоставленіи ему письменныхъ занятій, при чемъ помѣстилъ два образца своихъ почерковъ:

- первый—подъ названіемъ „англійскій круглый“—
 „Истинная добродѣтель скромна“;
 второй—„готическій почеркъ“
 „Вознагражденіе по Вашему благоусмотрѣнію“.

Въ заключеніе прибавилъ:

„Могу и по щетной части“.

Капитонъ Алексѣевъ ¹⁾.

Превратившись изъ коробейника въ довольно приличнаго, хотя бѣднаго интеллигента, Алексѣевъ отправился въ самую значительную золотопромышленную контору потомственнаго почетнаго гражданина Сабашникова и К^о.

Управляющій этою конторою, къ которому обратился Алексѣевъ, разсмотрѣвъ его прошеніе и паспортъ, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ о его семейномъ положеніи и о прежней его дѣятельности. Алексѣевъ отвѣтилъ, что въ раннемъ дѣтствѣ онъ лишился родителей и былъ взятъ въ домъ дяди-слесаря, у котораго и учился этому мастерству и вмѣстѣ съ тѣмъ ходилъ въ народную школу. Затѣмъ по смерти дяди онъ переѣхалъ въ Красноярскъ работникомъ къ печнику, съ которымъ нѣсколько лѣтъ занимался починкой печей и устройствомъ новыхъ. Но такъ какъ ремесло это и малоприбыльно и непостоянно, то онъ по вольному найму работалъ въ разныхъ волостныхъ правленіяхъ по веденію счетныхъ книгъ. Жалованья платили вообще недостаточно, а когда въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ случился голодъ (1868—

¹⁾ Судя по красотѣ и разнообразію почерковъ, можно подумать, что Алексѣевъ до ссылки въ каторжн. работы былъ профессиональнымъ граверомъ.

1869 г.г.), то чуть ли не всѣмъ помощникамъ волостныхъ писарей, и мнѣ въ томъ числѣ, было отказано отъ службы. При такой крайности я и рѣшился искать счастья въ Забайкальѣ.

Выслушавъ Алексѣева и удовлетворившись его отвѣтомъ, управляющій сказалъ, что на первое время онъ принимаетъ его на должность помощника бухгалтера, а послѣ—тамъ видно будетъ; при этомъ онъ преподаль ему нѣкоторыя указанія относительно порядка занятій и проч., предупредивъ, что при обширномъ хозяйствѣ могутъ встрѣтиться случаи, когда будетъ необходимость оказать помощь, напр., по матеріальнымъ складамъ или по приѣмкѣ большихъ партій пріисковыхъ товаровъ и проч. Алексѣевъ отвѣтилъ, что онъ безпрекословно исполнить всякое приказаніе.

Съ необычайнымъ усердіемъ и вдумчивостію принялся онъ за исполненіе своихъ обязанностей и чрезъ какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца въ совершенствѣ овладѣлъ двойною итальянскою бухгалтеріей со всѣми ея „кредитъ, дебетъ, гробухъ“ и проч. Это давало ему возможность ежедневно быстро заканчивать его бухгалтерскую работу и затѣмъ остальные дневные часы употреблять или на прогулки по городу, при чемъ онъ изрѣдка заходилъ къ своему сподвижнику Мартыну Пенту, чтобъ поддержать его деньгами и совѣтами,—или же такъ или иначе сближаться съ своими сослуживцами. Когда же эти послѣдніе узнали, что Алексѣевъ знаетъ разное ремесло, то стали осаждать просьбами, кто—починить замокъ, кто—поправить шкафъ, кто—привести въ порядокъ швейную машину и проч. Никому Алексѣевъ не отказывалъ, всѣмъ старался услужить, при томъ, какъ говорится, не откладывая въ долгій ящикъ. Вообще со всѣми сослуживцами, благодаря его веселому, общительному характеру, установились самыя хорошія пріятельскія отношенія.

Въ свою очередь и управляющій конторою все болѣе и болѣе цѣнилъ энергичную, преданную службу Алексѣева, почти постоянно исполнявшаго двѣ обязанности—бухгалтера и матеріальнаго (т. е. главнаго ключника); и когда, по приказанію хозяевъ, представилась необходимость снарядить и отправить въ тайгу партію на поиски золота, то это важное порученіе, сопряженное съ крупными затратами, было возложено на Алексѣева.

Два года кряду искалъ онъ золото въ верховьяхъ рѣки Ингоды, но безъ особенной удачи, такъ какъ хотя изслѣдо-

ванные имъ площади и оказались золотоносными, но не признаны „промышленно-благонадежными“.

По возвращеніи изъ тайки и по представленіи отчета съ остаточными деньгами, инструментами и матеріалами, онъ былъ назначенъ „матеріальнымъ“. Въ это же время онъ женился на зажиточной вдовѣ поселенца Павлова, купилъ домъ и, приписавшись въ читинское мѣщанское общество, окончательно поселился въ Читѣ.

Затѣмъ вскорѣ онъ получилъ еще болѣе важное назначеніе „комиссіонеромъ промысловъ Сабашникова“, что дало ему возможность сблизиться съ купечествомъ всего Забайкалья и со многими князьями Монголіи, у которыхъ онъ закупалъ для пріисковъ скотъ. На многія сотни тысячъ ежегодно совершались эти комиссіонерскія операціи и приносили, конечно, Алексѣеву значительныя выгоды, но въ то же время и хозяева были довольны и дорожили имъ, такъ какъ все необходимое для пріисковъ было своевременно заготовлено и сполна доставлено на мѣста.

Чрезъ три года, оставивъ службу у К^о Сабашниковыхъ, Алексѣевъ занялся самостоятельнымъ промысломъ „доставщика“. Сначала онъ перевозилъ чай изъ Кяхты въ разные пункты Сибири, а въ непродолжительномъ времени достигъ того, что перевозка не только чаевъ, но и всѣхъ грузовъ, направлявшихся гужомъ отъ Иркутска на востокъ и обратно, сосредоточилась въ его рукахъ. Записавшись въ гильдію по II разряду, Алексѣевъ помимо перевозки никакой иною торговлей не занимался; иногда только случайно покупалъ и перепродавалъ партію муки, чая, масла и проч. Главнымъ же образомъ, зная многихъ хищниковъ золота, скупалъ у нихъ таковое. Послѣднія операціи, какъ преслѣдуемая закономъ, сопряжены обыкновенно съ извѣстнымъ рискомъ, но крупная нажива, которую давалъ этотъ промыселъ, побуждала пренебрегать сопряженную съ нимъ опасность. Постоянная удача и ловкость, съ какою онъ избѣгалъ эту опасность, создали ему среди купечества репутацію оборотливаго дѣльца.

Въ частной жизни Алексѣевъ былъ весьма радушнымъ хозяиномъ, славился хлѣбосольствомъ, домъ держалъ открытымъ; любилъ охоту, лошадей, имѣлъ въ городѣ лучшихъ бѣгунцовъ, бравшихъ скаковые призы; устраивалъ облавы, пикники и проч. Такимъ образомъ располагалъ къ себѣ не только купеческое сословіе, къ которому теперь принадлежалъ, а оно, кстати сказать, заправляло городскими дѣлами, но и

чиновничью сферу. Лучшимъ доказательствомъ всеобщаго къ нему расположенія можетъ служить тотъ фактъ, что губернаторъ Б., человекъ умный, честный и въ высшей степени порядочный, былъ крестнымъ отцомъ одного изъ его сыновей.

Въ результатъ такихъ отношеній Алексѣевъ въ скоромъ времени оказался: членомъ городской управы, директоромъ тюремнаго комитета, попечителемъ приюта арестантскихъ дѣтей и даже получилъ медаль за усердіе. Въ періодъ же съ 1877 по 1887 г., при смѣтѣ городскихъ головъ: Замошникова, Шульгина и Мишина, ему всякій разъ предлагали занять эту должность, но онъ постоянно отъ нея отказывался подъ предлогомъ недостатка времени.

Но на ряду съ этимъ въ жизни Алексѣева, какъ замѣчали его ближайшіе сосѣди, проглядывали нѣкоторыя странности, несоотвѣтственныя его общественному положенію. Больше всего давали поводъ къ толкамъ очень частыя отлучки его изъ города налегкѣ, неизвѣстно куда, и то обстоятельство, что къ нему постоянно съ чернаго крыльца являлись какіе-то неизвѣстные люди изъ того сорта, на которыхъ особое вниманіе обращаетъ полиція. При обыкновенныхъ условіяхъ провинціального города эти явленія могли бы пройти и незамѣченными, но именно въ этотъ періодъ времени въ Читѣ и ея окрестностяхъ стали проявляться грабежи и убійства, по которымъ виновные не были обнаружены; а между тѣмъ преступленія эти совершались надъ лицами, съ которыми Алексѣевъ былъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, такъ напримѣръ:

а) Потерялся и остался нерозысканнымъ проживавшій въ Читѣ крестьянинъ Саранчинъ, а было извѣстно, что онъ спеціально и успѣшно занимался хищничествомъ золота на промыслахъ и затѣмъ сбывалъ его Алексѣеву. Естественно подозрѣвалось, что Саранчинъ былъ убитъ, и подозрѣвался въ томъ Алексѣевъ, но подозрѣніе не вышло за предѣлы народной молвы;

б) Не въ дальнемъ разстояніи отъ Читы найденъ былъ трупъ ограбленнаго купца Янкеля Шмуйловича, спеціалиста по скупкѣ золота, какъ и Алексѣевъ, и часто мѣшавшаго ему въ его операціяхъ;

в) Золотопромышленникъ Полутовъ, на котораго вблизи Читы сдѣлано было нападеніе, заявлялъ даже, что въ стрѣльбѣмъ по немъ онъ призналъ Алексѣева, но оформить дѣла не могъ за отсутствіемъ уликъ. По рассказамъ Полу-

това, Алексѣевъ гнался за нимъ на бѣговыхъ дрожкахъ, спасеніемъ же своимъ онъ обязанъ только своей верховой лошади и тому, что ему удалось свернуть съ трактовой дороги въ лѣсъ, который защитилъ его отъ пуль нападавшаго;

г) Войсковой старшина Наливкинъ, человѣкъ одинокій, имѣвшій по его рассказамъ около 20 тыс. р., нанялъ квартиру въ домѣ Алексѣева. Живя вмѣстѣ, они сдружились и устраивали часто попойки; но въ одно утро Наливкинъ былъ найденъ мертвымъ, денегъ же у него никакихъ не оказалось. Возникли слухи, что Наливкинъ отравленъ; подозрѣвался въ этомъ Алексѣевъ, но медицинское вскрытіе трупа не подтвердило слуховъ, а вопроса о пропажѣ денегъ никто не возбуждалъ. Вскрытіе производилъ городской врачъ еврей Пророковъ, большой другъ Алексѣева; но это послѣднее обстоятельство не было принято во вниманіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ же врачъ Пророковъ былъ уличенъ въ сокрытіи другого убійства, былъ преданъ суду, лишенъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе. Но въ то время о смерти Наливкина уже забыли, и дѣло кануло въ вѣчность;

д) Та же народная молва относилась къ дѣлу рукъ Алексѣева загадочныя убійства и ограбленія: экономки ксендза Юревича и какой-то купчихи, убитой и ограбленной въ Читѣ днемъ подъ мостомъ; но установить связь этихъ преступленій съ Алексѣевымъ власть своевременно не озаботилась.

Всѣ эти преступленія, къ которымъ примѣшивалось имя Алексѣева, не были раскрыты, а онъ самъ пользовался уваженіемъ высшаго общества и, вѣроятно, могъ бы еще долго играть видную роль въ этомъ обществѣ, если бы не одно обстоятельство, доказавшее, что народная молва не ошибалась въ своихъ подозрѣніяхъ.

Обстоятельство это слѣдующее:

5-го января 1887 г. на почту, отправленную изъ Читы въ Иркутскъ, въ 16 верстахъ отъ города и въ 4-хъ в. отъ станціи Черновской было сдѣлано вооруженное нападеніе. Убитъ ямщикъ и 2 лошади и раненъ сопровождавшій почту фейерверкеръ Власовъ, спасшійся отъ смерти тѣмъ, что притворился мертвымъ; чемоданы разрѣзаны и денежные сумки ограблены.

Преступленіе это возбудило въ городѣ много толковъ и подозрѣній, тѣмъ болѣе, что похищенная сумма оказалась весьма значительной; но въ первый день удалось установить только, что преступники скрылись въ Читѣ, произведено было нѣсколько обысковъ, оставшихся безъ результата. Къ рас-

крытію преступленія привело совершенно неожиданное для властей случайное обстоятельство.

6-го января (въ день Богоявленія), у Алексѣева, по обыкновенію, собралось значительное общество, среди котораго находился также сосѣдъ Алексѣева по дому купецъ Алексѣй Павловичъ Кульминъ. Этотъ Кульминъ видѣлъ, что насвѣту того же дня Алексѣевъ вернулся откуда-то на взмыленной лошади съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, а въ виду распространившихся толковъ о разграбленіи почты, заподозрилъ его въ этомъ преступленіи и сталъ за нимъ наблюдать. Кульмину показалось, что хозяинъ дома почему-то не въ духѣ, какой-то усталый, нервный, что не вязалось съ его крѣпкою натурою и обычнымъ веселымъ нравомъ. Когда разговоръ зашелъ объ ограбленіи почты, то Алексѣевъ страшно смутился, вопросъ же, предложенный ему Кульминымъ за ужиномъ:—откуда и съ кѣмъ онъ вернулся сегодня насвѣту на взмыленной лошади?—привелъ Алексѣева въ полное замѣшательство, онъ сталъ объяснять что-то растерянно, невпопадъ, а затѣмъ лишился чувствъ.

Это обстоятельство сейчасъ же было доложено губернатору, который приказалъ произвести у Алексѣева немедленно обыскъ, результатомъ котораго было обнаруженіе явныхъ уликъ, затѣмъ послѣдовалъ арестъ и полное раскрытіе преступленія.

Алексѣевъ былъ преданъ полемому военно-уголовному суду, изъ рѣшенія котораго видно, что Алексѣевъ въ преступленіи сознался, при чемъ объяснилъ, что нападеніе на почту сдѣлано имъ ночью съ 5-го на 6-е января 1887 г., въ соучастіи съ мѣщаниномъ Пенто, почтосодержателемъ Читинской станціи и съ почтальономъ читинской почтовой конторы Маньковскимъ. Участіе послѣдняго состояло въ томъ, что онъ сообщилъ Алексѣеву о суммѣ, отправленной съ почтою, и подпилилъ курокъ у револьвера системы Лефощэ, предназначавшагося для выдачи сопровождавшему почту фейерверкеру Власову. Убивъ выстрѣлами сначала двухъ лошадей, а затѣмъ ямщика и конвоира (Алексѣевъ былъ убѣжденъ, что Власовъ убитъ), онъ при содѣйствіи Пенты разрѣзалъ чемоданы и, погрузивъ всю денежную корреспонденцію въ свой мѣшокъ, ускакалъ вмѣстѣ съ товарищемъ въ Читу. Пріѣхавъ домой, онъ переложилъ корреспонденцію въ свой несгораемый сундукъ и предложилъ Пентѣ придти днемъ для дѣлежа денегъ и, по уходѣ послѣдняго, занялся разборкой ограбленнаго. Днемъ

онъ поспѣшилъ отдать по личнымъ расчетамъ купцу Павлову—10.000 р., Костину—3.150 р., Красикову—3.030 р., Колешу—2.830 р. и Геллеру—450 р. При обыскѣ было найдено лишь нѣсколько вскрытыхъ пакетовъ, но денегъ не оказалось, и Алексѣевъ объяснилъ, что кромѣ розданныхъ имъ Павлову, Колешу и др., всего 19.460 руб., болѣе денегъ не было; во вскрытыхъ же пакетахъ заключались еще цѣнные документы на 106.000 руб. и ветхіе кредитные билеты (заштемпелеванные) на 13.850 р. Какъ тѣ, такъ и другія цѣнности не представляли для него никакого значенія и были сожжены въ печкѣ.

Приговоръ полевого суда былъ утвержденъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири барономъ Корфомъ 21 мая 1887 г., по коему купецъ Алексѣевъ 45 лѣтъ и мѣщанинъ Пенто 36 л. были приговорены къ повѣщенію, а Маньковскій 19 л.—къ ссылкѣ въ каторжныя работы.

Сообщилъ **В. Мерцаловъ.**